

«Если Франциск не кажется нам лекарством, значит, мы не сознаем и природу недуга», – утверждает глава «Общения и освобождения»

## Интервью Джона Л. Аллена Мл. и Инес Сан-Мартин

21 июня 2017 г.

**Хотя многие католики, особенно из наиболее консервативных рядов, часто считают действия папы Франциска провокацией для системы, глава влиятельного церковного движения «Общение и освобождение» утверждает, что если папа не кажется нам лекарством, значит, мы не сознаем природу недуга, с которым столкнулись в секуляризованном постмодернистском мире.**

МИЛАН. Хулиан Каррон, преемник известного итальянского священника отца Луиджи Джуссани, возглавляющий влиятельное движение «Общение и освобождение», относящееся к наиболее консервативной части католического мира, вероятно, лучше многих других понял, что папа Франциск может стать настоящим потрясением для системы.

Однако это не пугает Каррона, и он уверенно поддерживает Франциска и настоятельно утверждает, что, если этот папа не кажется нам лекарством, значит, мы не сознаем природу недуга, с которым столкнулись в секуляризованном постмодернистском мире.

«Порой мы не понимаем те или иные поступки папы, поскольку нам до конца не понятно, что влечет за собой “перемена эпохи”, как он ее определяет», – сказал Каррон изданию *Cruх* в прошлый понедельник.

«Это все равно что воспринимать опухоль как обычную простуду и в результате считать лечение химиотерапией слишком радикальным, – добавил он. – Но, поняв однажды природу болезни, мы сознаем, что аспирином нам ее не победить».

У себя дома в Милане Каррон среди прочих тем, которые он обсудил с *Cruх*, затронул и англоязычное издание своей книги «Безоружная красота» (*La bellezza disarmata*), рассказывающей о природе христианского «события».

«Мы переживаем поистине коренные, беспрецедентные изменения, и мне понятно, почему многие до сих пор не осознают, что же происходит или почему папа Франциск действует определенным образом, – утверждает Каррон. – Однако, если не сейчас, то мы поймем его поступки, когда отдадим себе отчет в последствиях, которые они за собой влекут».

По мнению Каррона, в современности произошло следующее: люди больше не помнят, что значит быть людьми. Таким образом, нынешний кризис крайне глубок и состоит не просто в отказе от тех или иных моральных устоев. Сегодня нужны не воззвания нравственного характера и не богословские споры, а притягательная сила христианской жизни, переживаемой в полной мере.

«Я вижу, что многих людей тревожит и смущает папа, точно так же, как в свое время это делал Иисус, особенно – не будем забывать – с наиболее “религиозными” людьми, – заявляет Каррон. – К примеру, фарисеи, не замечавшие, насколько драматична была ситуация окружавших их людей, хотели, чтобы проповедник просто говорил народу, что делать, и возлагал на них тяжкие бремена».

«Всего этого было недостаточно, чтобы дать новое начало человечности, а затем появился Иисус и вошел в дом Закхея, не назвав его грешником и вором. Такой шаг мог бы показаться слабостью, однако же никто не бросал Закхею большего вызова, чем Иисус», – говорит Каррон.

«Все те, кто осуждал его образ жизни, ни на йоту не изменили его позиции. И лишь совершенно безвозмездный поступок Иисуса одержал победу там, где другие потерпели поражение».

«Общение и освобождение», основанное в 1954 году отцом Джуссани, – это церковное движение мирян, существующее в рамках Католической Церкви и широко распространенное прежде всего в Италии, а также примерно в восьмидесяти странах мира. В разное время оно получило высокую оценку многих выдающихся людей, в числе которых – папа на покое Бенедикт XVI, отслуживший заупокойную святую мессу по отцу Джуссани и пожелавший пригласить несколько женщин из *Memores Domini*, чтобы они вели его домашнее хозяйство.

Каррон родом из Испании, он долгое время провел рядом с Джуссани и после смерти основателя в 2005 году принял на себя руководство «Общением и освобождением».

Не ощущая никакого разрыва Франциска с его предшественниками, Иоанном Павлом II и Бенедиктом XVI, Каррон настаивает, что тот еще радикальней продолжает линию Бенедикта.

«Он утверждает то же самое, но его слова достигают любого человека очень легко – через поступки, и притом ничуть не умаляется глубина того, о чем говорил Бенедиктом».

По сути, книга Каррона представляет собой обобщенное изложение взгляда на христианскую жизнь, предложенного Джуссани и развернутого каждым из трех последних понтификов. Главная ее идея состоит в том, что христианство – «безоружная красота», способ жизни, который утверждается одной лишь силой присущей ему притягательности.

«Я хотел показать, что сила веры – в ее красоте, в ее притягательности. Ей не нужна никакая другая сила, никакие другие орудия или особые обстоятельства, чтобы сиять, как горам не нужно ничего, чтобы у нас при их виде перехватило дыхание».

**Название «Безоружная красота» – это недвусмысленный ответ терроризму и насилию на религиозной почве?**

Это недвусмысленный ответ определенному взгляду на веру, вытекающий из того, что делает последнюю единственной в своем роде. Однажды святой Павел, описывая суть вочеловечения Бога, сказал, что Он «совлекся» Своей божественности, Своей божественной силы. Иисус явился в истории, лишенный какой бы то ни было силы, облеченный лишь в сияние Его истины, которое излучали Его личность, образ Его действий, Его способ видеть, входить в отношение с другими, Его милосердие, Его умение обнимать других и разделять с ними их жизнь и их раны. Вся сила Его любви к нам проходила сквозь Его «безоружную человечность».

**Один из текстов, входящих в книгу, вы написали сразу же после теракта в редакции «Шарли Эбдо» в Париже. В нем вы утверждаете, что вызов заключается в создании пространства «подлинной встречи между многочисленными и многообразными предложениями смысла». Не могли бы вы объяснить, что имели в виду?**

Многие люди ищут смысл собственной жизни, причину, по которой стоит ходить на работу, заводить семью, встречать лицом к лицу действительность, и часто, не находя его, разными способами пытаются спастись бегством. Главная проблема в следующем: в момент, когда абсолютной ценностью для нас, современных людей, является свобода, единственный способ не ограничивать свободу другого силой состоит в том, чтобы у нас было пространство, где люди могли бы встречаться свободно и разделять друг с другом смысл жизни, то, в чем, по мнению каждого, выражается полноценная жизнь. Если так не происходит, образующаяся пустота в конце концов приводит к конфликтам.

Человек не в состоянии жить без смысла, и, если пустота продолжает существовать, мы будем порождать людей, которые рано или поздно поддадутся искушению насилием: дома, на работе, а в отдельных случаях дело дойдет и до терроризма. Вопрос в том, чем ответить на отсутствие смысла, которое мы часто наблюдаем в сегодняшнем социуме. Преодолеть его можно только в свободном обществе, в свободном пространстве, где люди встречаются и сравнивают, кто какой способ жизни выбирает и какие решения принимает.

**Вы говорите, что мы переживаем «глубокий кризис человечности». На ваш взгляд, папа Франциск считает также? И как, по-вашему, он пытается ответить на него?**

Он отчетливо сознает, что в первую очередь вопрос касается природы кризиса, который часто сводится всего-навсего к экономическому кризису или к проблеме ценностей, тогда как в действительности все гораздо серьезней. Кризис касается того, что делает нас людьми, и мы

видим пассивность многих молодых людей: часто им как будто незачем даже выходить из дома...

**Джуссани называл это «эффектом Чернобыля», правильно? Словно некая радиация лишила людей смысла.**

Совершенно верно, произошло выхолащивание человечности, в результате которого люди утрачивают способность интересоваться чем-либо по-настоящему. Проблема уходит корнями в безразличие, в апатию. Слишком часто мы пытаемся ответить на нее с помощью правил, процедур, чтобы по крайней мере ограничить насилие, нередко порождаемое таким безразличием. Однако подобным образом ответить можно только на последствия, а до сути проблемы мы так и не добираемся. Если мы не отвечаем на подлинные человеческие нужды, если не пробуждаем в людях способность обретать смысл, делающий жизнь пригодной для жизни, то наш ответ не будет касаться истинной природы кризиса, так как его истоки – в урезанном представлении о том, что значит быть человеком.

Это вселяет в меня оптимизм, поскольку я убежден: христианство способно внести самый большой свой вклад именно в такой ситуации. Все началось, когда Христос стал встречаться с людьми, которые, глядя на Него, говорили: «Мы никогда не видели никого подобного», – и следовали за Ним. Его присутствию не существовало никакой альтернативы, и встреча с Ним запустила самую великую революцию в истории. Единственный вопрос заключается в том, сознаем ли мы, какую невероятную благодать получили как христиане.

**Каким образом, по вашему мнению, папа Франциск развивает идею веры как опыта, укорененного во встрече?**

Он умеет четко выражать ее в жестах, которые совершает, в своем внимании к людям, в том, как он говорит с любым собеседником. Он ведет людей к пониманию очень простым путем: посредством поступков, так же как изъяснялся Иисус в Своих деяниях.

К примеру, нелегко помочь людям понять весь масштаб такого явления как иммиграция, однако, когда Франциск едет в Лампедузу, все проясняется в мгновение ока, и невозможно не понять, о чем он говорит. Вам хочется понять, откуда рождаются его слова. То же самое случается, когда папа встречает людей, переживающих трудности на работе или нуждающихся в милосердии. Он действует подобно Иисусу, Который увидел все раны Своего времени и ответил на них.

**Тем не менее, кажется, что некоторые не понимают папу или не согласны с ним. Вы упомянули Лампедузу... Бывший мэр, ставший известным всему миру благодаря своей деятельности по принятию беженцев, только что потерпел поражение на выборах, заняв третье место.**

Мы переживаем поистине коренные, беспрецедентные изменения, и мне понятно, почему многие до сих пор не осознают, что же происходит или почему папа Франциск действует

определенным образом. Однако, если не сейчас, то мы поймем его поступки, когда отдадим себе отчет в последствиях, которые они за собой влекут.

Если мы начнем принимать всерьез проблему мигрантов, нищеты, трудностей, которые испытывают израненные, одинокие, нуждающиеся в милосердии люди, то добьемся установления определенной общественной атмосферы и увидим последствия, каких и представить себе не могли. Например, когда папа говорит о «стенах», он имеет в виду ситуации, которые всего десять-пятнадцать лет назад были немыслимы. Подумайте только: стена в сердце Европы меньше чем через тридцать лет после падения Берлинской стены!

Наша способность понимать [папу] зависит от способности понимать природу стоящего перед нами вызова. Порой мы не понимаем те или иные поступки Франциска, поскольку нам до конца не понятно, что влечет за собой «перемена эпохи», как он ее определяет. Это все равно что воспринимать опухоль как обычную простуду и в результате считать лечение химиотерапией слишком радикальным. Но, поняв однажды природу болезни, мы сознаем, что аспирином нам ее не победить.

**В книге вы непринужденно цитируете то Иоанна Павла II и Бенедикта, то Франциска. Часто этих трех пап противопоставляют друг другу, но вы, кажется, видите явную преемственность.**

Я вижу великую гармонию, несмотря на то, все они столкнулись с разными временами. В христианстве всегда именно так и случалось. Каждый оказывался перед лицом исторических условий, в которых приходилось развиваться христианской жизни, и каждая эпоха несла с собой различные вызовы, на которые христианство должно было давать конкретные ответы. Иоанн Павел II удивлял своим умением общаться. Казалось, будет сложно найти кого-то, похожего на него, а затем появился Бенедикт, поразивший всех своим умом, способностью здраво рассуждать и поднимать определенные темы таким образом, каким бы это не сделал никто другой.

После Бенедикта опять было ощущение, что подобного ему уже не будет. Однако пришел папа, который, на мой взгляд, еще радикальней продолжает линию Бенедикта. Он утверждает то же самое, но его слова достигают любого человека очень легко – через поступки, и притом ничуть не умаляется глубина сказанного Бенедиктом. Думаю, все трое дошли до самого корня вещей, они не остановились лишь на видимости и добрались до сердцевины конкретных событий, творившихся в их времена.

В этом смысле между ними есть гармония, поражающая и многих людей вне Церкви и состоящая в способности Церкви выступать с чем-то новым и самобытным перед лицом новых вызовов, встающих перед ней. Эти папы подали нам предельно ясный пример: каждый из них в свой исторический момент сумел ответить на современные ему вызовы.

**Вам не нравятся политические ярлыки, но вы знаете, что «Общение и освобождение» заработало себе репутацию в Церкви, особенно среди наиболее «консервативных»**

**католиков. Некоторые из них встревожены тем, что делает папа Франциск, и думают, будто он в каком-то смысле «умалывает» определенные вещи, отставляя в сторону или сводя к минимуму традиционную доктрину. Что бы вы могли сказать этим людям, чтобы успокоить их?**

Во-первых, я сказал бы, что начинать нужно с признания подлинной природы вызова, стоящего перед нами. Мы не можем в полной мере понять действия папы Франциска, если не понимаем природу происходящего – «перемены эпохи». Если наш диагноз этого не учитывает, нам не удастся уловить важность поступков нынешнего папы. Когда же мы начнем осознавать глубину кризиса, наши горизонты распахнутся, и мы станем замечать, как определенные действия пророческим образом отвечают на новую ситуацию.

Я вижу, что многих людей тревожит и смущает папа, точно так же, как в свое время это делал Иисус, особенно – не будем забывать – с наиболее “религиозными” людьми. К примеру, фарисеи, не замечавшие, насколько драматична была ситуация окружавших их людей, хотели, чтобы проповедник просто говорил народу, что делать, и возлагал на них тяжкие бремена. Всего этого было недостаточно, чтобы дать новое начало человечности, а затем появился Иисус и вошел в дом Закхея, не назвав его грешником и вором. Такой шаг мог бы показаться слабостью, однако же никто не бросал Закхею большего вызова, чем Иисус. Все те, кто осуждал его образ жизни, ни на йоту не изменили его позиции. И лишь совершенно безвозмездный поступок Иисуса одержал победу там, где другие потерпели поражение.

Что нужно для изменения общества, в котором мы живем? Метод, примененный Иисусом в отношении Закхея. [Вместе с папой Франциском] мы должны вспомнить о том, как многие порядочные, искренне религиозные люди реагировали перед Иисусом. Для них то, как Иисус действовал, было чем-то скандальным в самом сильном смысле слова – препятствием для веры.

**Вы хотите сказать, что католики, критикующие папу Франциска в связи, например, с его энцикликой *Amoris Laetitia*, не поняли, чем рискует современная культура?**

Думаю, да. Я считаю, что нам сегодня не хватает глубокого понимания вызова, с которым мы вынуждены сталкиваться на человеческом уровне. Порой критики желали бы, чтобы папа повторял определенные фразы, определенные понятия, но все это для многих людей лишено содержания, и уже довольно давно. Или же они хотели бы получить некие правила, словно они могут исцелить человека и побудить кого-то «проверить» веру в собственном опыте. Проблема, стоящая перед всеми, в том числе и перед нами, заключается в том, что часто мы оказываемся не способны передавать уверенность в будущем нашим коллегам, нашим друзьям. Только смело осознавая ситуацию и не испытывая постоянной потребности защищаться, мы, возможно, чему-то научимся.

**Безусловно, в истории с Закхеем целью Иисуса во встрече с ним было изменение его сердца. Сегодня некоторые обеспокоены тем, что папа, а вместе с ним и ряд священников и епископов, вступают во «встречу», не ожидая обращения людей и отказа от совершаемых ошибок.**

Обращение не зависит от действий, оно зависит от нас. Отправляясь на встречу с вором, мы вносим в эту встречу самих себя. Для Иисуса поход в дом Закхея не был проблемой, Ему не нужно было разъяснять Закхею богословские понятия или нормы морали. Он пошел к нему, поскольку в Его личности воплощалась истина. Вопрос в том, каких людей встречают те, кто встречается с нами? Если в нас они встречаются исключительно с учебником по надлежащему поведению, так им все это уже известно, однако они не способны применить правила на практике. Если же они видят перед собой человека, предлагающего им любовь, то в них проснется желание последовать за таким человеком, быть как он. Именно это и случилось в отношении с Иисусом.

**Думаю, многие согласились бы с тем, что отталкиваться нужно не от правил, но люди волнуются, доберемся ли мы когда-нибудь и до них.**

Если человек влюбляется, в один прекрасный момент это происходит естественным путем. Когда он женится, будучи по-настоящему влюбленным, для него естественно желание убраться в доме, приготовить вкусный обед и так далее. Проблема в том, что сегодня люди не встречают тех, ради кого есть смысл вовлекаться в те или иные дела до такой степени. Этический кодекс – не такого рода встреча.

**Если говорить конкретно, множество людей, вдохновленных папой Франциском, утверждают, например, что Церковь должна поддерживать ЛГБТ-сообщество или разведенных и повторно вступивших в гражданский брак верных, и мы делаем это регулярно. Однако критики спрашивают, не нужно ли в рамках такой поддержки в определенный момент говорить этим людям, что они должны изменить свое поведение.**

Отвечу с помощью примера. Слишком часто мы думаем, будто наша альтернатива – либо ничего не говорить, либо быть двусмысленными. Я познакомился с одной группой, в которую входит восемнадцать-двадцать семей. Среди них не было ни одной женатой пары – по разным причинам, порой вполне понятным. Некоторые семьи из «Общениа и освобождения» стали встречаться с этими людьми, ничего не говоря о их «ненормальной» жизненной ситуации. Со временем все вступили в брак! Они оказались перед людьми, которые жили семейной жизнью так, что никого не оставляли равнодушным. И в конце концов все пары вступили в брак, но не потому, что кто-то растолковал им правила или христианское учение о браке, а потому, что они не хотели потерять то, о чем своей жизнью свидетельствовали им другие семьи.

В христианстве истина стала плотью. Единственный способ глубоко понять эту воплощенную истину заключается в том, чтобы встречаться со свидетелями и смотреть на них. Вся рождественская литургия говорит о полноте Бога, становящегося видимым. Если бы Он не стал видимым, мы никогда бы не поняли... Это и есть великий вызов.

Бесполезно спрашивать у других, стали ли они теми, кем должны были стать. Подлинный вопрос в том, являемся ли мы убежденными свидетелями веры. Верим ли мы по-прежнему в безоружную красоту веры? Влюбленный человек знает, что ему делать, а влюбляемся мы,

когда встречаем кого-то. Именно поэтому опыт Иисуса стал для человечества «коперниканской революцией».

\*\*\*

**Недавно Род Дреер заявил, что христианам следовало бы прекратить культурные войны на Западе, поскольку мы их уже проиграли и в лучшем случае можем надеяться на «выбор Бенедикта», то есть на сохранение маленьких оазисов веры посреди враждебной и упаднической культуры. Мне кажется, вы также говорите о необходимости уйти от культурных войн и притом не сдавать своих позиций, однако по другой причине.**

Совершенно верно. Меня всегда поражало противопоставление попыток преобразовать христианство в гражданскую религию и сделать ее явлением исключительно частного характера. Для меня это все равно что пробовать подправить замысел Бога. Кто – спрашиваю я себя – когда-нибудь мог предположить, что Бог начнет входить в общение с миром через призвание Авраама? Столь неправдоподобный, столь обескураживающий способ невозможно было вообразить.

Наш выбор не должен ограничиться войной культур и христианством, лишенным своего содержания, потому что ни то, ни другое не имеет ничего общего с Авраамом и историей спасения. Бог избрал Авраама, чтобы положить начало новому образу жизни, который со временем мог бы породить видимую реальность, способную сделать жизнь достойной, полной.

Если бы Авраам оказался сегодня в нашей ситуации меньшинства и отправился бы к Богу и сказал: «Никто меня не слушает», – что ответил бы ему Бог? Мы прекрасно знаем, что: «Поэтому-то Я и избрал тебя, чтобы в реальности появилось присутствие, способное показать (даже если никто этому не верит), что Я произведу от тебя огромный народ, и потомство твое будет многочисленно, как звезды на небе». То же самое Он сделал, когда послал в мир Своего Сына, совлекшегося божественной власти, чтобы стать человеком. Как говорил святой Павел, Он пришел, чтобы даровать нам способность жить по-новому. Именно это порождает культуру. Вопрос для нас заключается в том, дает ли нам наша нынешняя ситуация возможность вернуться к истокам замысла Божия.

**Вы, похоже, весьма оптимистично настроены и думаете, что это возможно.**

Безусловно. Я в высшей степени оптимист – в силу природы веры. Мой оптимизм основан на сущности христианского опыта. Он не зависит от моей способности прочитывать реальность или от моего диагноза в отношении общественной ситуации. Суть в следующем: чтобы иметь возможность вновь начать заново из совершенно самобытной исходной точки, мы должны вернуться к корням веры как таковой, к тому, что говорил и творил Иисус. Если и есть причина для пессимизма, она связана с тем, насколько часто мы сводили христианство либо к

набору ценностей, либо к этике, либо просто-напросто к философским рассуждениям. В этом нет никакой привлекательности, все это не способно никого очаровать. Люди не улавливают притягательной силы христианства. Но как раз в силу того, что наше сегодняшнее положение столь драматично со всех точек зрения, парадоксальным образом нам проще предлагать новизну христианства.

**Если мы посмотрим на современную Европу, то увидим, что в ней подросло новое поколение, не затронутое баталиями прошлого между религией и секулярным миром. Эти люди выросли во вполне пострелигиозной культуре и поэтому нередко смотрят на религию не с неприязнью, а с любопытством. Не открывает ли это пути для нового витка евангелизации?**

Да, начался новый виток. Вопрос в том, удастся ли нам, христианам, воспользоваться представившейся возможностью, чтобы понять прежде всего для себя самих, что такое в действительности вера, что значит быть христианами и почему это может представлять интерес для нас и для других. Мы должны лучше разобраться во всем этом, не забываясь о цифрах и стремясь исключительно к полноте опыта, который Христос вносит в нашу жизнь.

Мне в голову приходит одна фраза Джуссани, он часто использовал ее, говоря о вере: «Вера есть опыт, существующий в настоящем, опыт, в рамках которого я в моем личном опыте нахожу подтверждение его целесообразности для человека». Без этого вера не сможет выстоять в мире, где все противоречит нам.

**Следовательно, евангелизационная стратегия в начале XXI века заключается в том, чтобы жить верой определенным образом, позволяющим нам проверить «подтверждающий опыт» и затем постепенно привести и других к такой форме жизни?**

Если христианин живет верой в такой радости, в такой полноте, то совершенно очевидно, что, на работе, или на встрече с друзьями, или в аэропорту другие люди замечают в нем эту новизну. Когда ты приходишь на работу в восемь утра и видишь на рабочем месте коллегу, который поет, который обнимает тебя и разделяет с тобой твои слабости и твои трудности, тебе хочется спросить: «Отчего ты приходишь на работу в восемь утра с песней?» Такие действия сообщают христианство гораздо лучше многих других, лучше любых призывов нравственного характера, поскольку, видя нечто подобное, другой человек естественным образом хочет спросить: «Откуда в тебе эта радость? Откуда берется эта полнота жизни?» Возможно, он не сразу подумает о том, что имя источнику такого счастья – Иисус Христос, вера. Но, когда он начнет понимать, что столь удивительный, столь счастливый, столь радостный способ жить в реальном мире уходит своими корнями в веру, вот тогда вера заинтересует его.

Если говорить кратко, мы передаем христианство, когда живем им. Т. С. Элиот однажды спросил: «Где жизнь, которую мы потеряли, живя?» Для нас все наоборот. Мы приобретаем жизнь, живя верой. Если это не так, то мы ни для кого не будем интересны, даже для нас самих. Другими словами, Церковь ли оставила людей или люди оставили Церковь?

**То есть нужно предлагать не теории, а образ жизни?**

Опыт жизни.

**Папа Франциск часто говорит о необходимости созидать «культуру встречи». Понятие встречи было основополагающим и для отца Джуссани. Если посмотреть на сегодняшнюю Церковь, какие примеры «культуры встречи» производят на вас самое большое впечатление?**

Меня всегда поражают примеры созидания пространств для встречи между совершенно разными людьми. Например, здесь, в Милане, мы [«Общение и освобождение»] проводим в одном центре дополнительные внешкольные занятия. Группы преподавателей – кто-то из Движения, кто-то нет – посвящают свободное время помощи ребятам, которым сложно учиться. Среди учеников есть итальянцы, иммигранты, приверженцы разных религий, в основном – католики и мусульмане. И это действительно пространство встречи. Их жизненные обстоятельства очень разнятся, и там все они находят для себя место, где их человечность возрождается. Как-то раз один мальчик принес в рюкзаке алюминиевую битку. В другой ситуации к нему бы отнеслись как к террористу, но благодаря отношениям с людьми из центра он освободился от агрессивности и даже стал одним из ответственных. Вот что такое сила встречи.

**Известны ли вам примеры за рамками вашего Движения?**

Конечно же, я не знаю всего мира, но кое о чем могу рассказать. Я посещаю некоторые римские и миланские приходы и вижу, насколько в них жив этот дух встречи. Один мой знакомый священник из Милана поддерживает отношения с заключенными. Он обладает поразительной способностью общаться с ними – так, что с его помощью они заново выстраивают свою жизнь. Интересен также опыт ассоциации АРАС в Бразилии. Это сеть тюрем, где нет охранников и оружия и где уровень рецидивов, который в обычных учреждениях достигает восьмидесяти процентов, здесь не выше до пятнадцати. Можно было бы подумать, что подобный вид заключения – не более чем заблуждение и что таким образом лишь разжигается преступность. На самом же деле это пример того, что случается, когда происходит настоящая встреча. Все, что направлено против истинной человечности, рано или поздно исчезает. Так, был один заключенный, который сбежал из исправительных учреждений бесчисленное множество раз, а потом случайно попал в одну из тюрем АРАС и уже больше не пробовал совершить побег. Судью поразил этот факт, и он решил поехать в тюрьму и спросить, почему он больше не пытался сбежать. Заключенный ответил: «От любви не бегут». Порой наша проблема в том, что мы перестали верить в определенные вещи. Нам кажется, что любой другой способ, даже жестокий, гораздо эффективнее, нежели сила любви.

**Вы говорите, что в конце концов наш «реализм» не такой уж и реалистичный?**

Это точно. Мы решили, что определенные вещи – иллюзия, и упустили единственную возможность по-настоящему проникнуть в сердце каждого человека. Повторю еще раз: именно это вселяет в меня оптимизм – вера, которая действует!

Несколько лет назад папа Бенедикт XVI спрашивал, есть ли шанс у христианства и сегодня, в этом мире? Он отвечал да, ибо человеческое сердце нуждается в том, что может дать лишь Христос. Христианство станет притягательным для людей в силу своей способности соответствовать их подлинному и высшему желанию.

**Кажется, вы также утверждаете, что мы должны быть отважными и не бояться бросать вызов общему мнению.**

Мы не можем удовольствоваться урезанным, слегка двусмысленным христианством, думая, будто таким образом нам удастся встретиться со всеми. Нет, мы должны жить им дерзновенно, полноценно, мы должны обладать той же убежденностью и смелостью, с какой Иисус вошел в дом Закхея: Он не закрыл глаза ни на одно из его деяний, но был безоружен и отвечал лишь на то, что составляло сердце последнего. С исторической точки зрения, это абсолютно новый метод. Иисус изумил святого Павла точно так же, как Он изумляет нас. Ничто не бросает больший вызов человеческому сердцу, чем такой совершенно удивительный поступок.

**Ключевая мысль Джуссани, которую вы повторяете на протяжении всей книги, заключается в том, что вера есть событие. Не могли бы вы объяснить, как это понимать и почему это так важно?**

То, что вера есть событие означает следующее: жизнь человека меняется благодаря встрече с фактом, как это случилось с Иоанном и Андреем, когда они встретили Иисуса. Нельзя избежать реальности произошедшего факта, его нельзя устранить. Подумаем о святом Павле, который преследовал христиан, пытался сжить их со свету. Встреча же с живым Христом перевернула его образ мыслей. То же самое описано в одной из сцен «Обрученных» Мандзони: опыт встречи с кем-то, способным на прощение, оказывается столь удивительным, что невозможно не отдаться его притягательной силе. Когда кардинал прощается с Безыменным, тот говорит: «Вернусь ли я? Да если бы вы прогнали меня, я, как нищий, упорно стоял бы у ваших дверей. Я должен говорить с вами, слышать, видеть вас! Вы мне необходимы!» Это и есть потрясающий опыт, меняющий жизнь, это и есть вера. [Прототипом кардинала из «Обрученных» был кардинал Федерико Борромео (1564–1631).]

Папа Бенедикт всегда говорил, что у истоков христианства лежит не доктрина, не учение, а встреча со Христом. Форма христианского «события» и есть такая встреча – не виртуальная и не предложенная первым встречным. Нет, эта встреча столь могущественна, что ты до конца жизни не хочешь утратить ее.

**Цель вашей книги – в том, чтобы пробудить в людях сознание об этом событии?**

Безусловно. Вопрос в том, каким образом донести его до людей. Это как с опытом любви, влюбленности: он не приходит, потому что о нем говорят, он появляется, когда человек влюбляется.

**В определенный момент вы пишете, что цель общины – возможно, вы имеете в виду «Общение и освобождение, а возможно, и Церковь вообще – заключается в том, чтобы породить «зрелых в вере людей». Как понимать ваши слова?** Я говорю о людях, возродившихся благодаря участию в жизни христианской общины, обретших новую способность жить в реальности, новую способность быть свободными иным, не таким, как прежде образом, новую способность передавать чувство изумления другим. Если христианство не в состоянии породить новый человеческий тип, оно будет существовать в отрыве от нашей жизни. В настоящий момент нет ничего важнее способности породить зрелых в вере людей, людей, живущих свободно среди других и свидетельствующих о вере, не только когда они ходят в церковь или участвуют в некоей деятельности, «отличной» от их повседневности, но и в конкретных обстоятельствах работы и жизни.

Мы нуждаемся в людях, которые могут нести новизну веры в сердце этого мира и пробуждать вопрос: «Откуда вы черпаете эту новизну, эту свежесть? Что за ними стоит?» Умение отвечать на него естественным образом приведет людей к чему-то большему и лучшему.

Вот подлинное свидетельство веры... Даже если другие не различают в нем имя Христа, уже только глядя на свидетелей, они неизбежно ощущают желание понять, почему те такие. Им захочется узнать, кто же «третья сторона». Это и есть свидетельство. Лишь подлинное свидетельство может сделать зримым и осязаемым событие веры. Способность превратить веру в нечто разумное рождается только от конкретного опыта этой самой веры, от «события». Именно это позволяет человеку не бояться, что его не поймут, и устоять перед искушением свести христианство к чему-то меньшему. Я тоже задам вам вопрос: почему мы порой думаем, что, чтобы сделать безвозмездный поступок понятным, нужно свести его к чему-то меньшему, сделать его менее безвозмездным? Чем безвозмезднее, тем он должен быть удивительнее и притягательнее, разве нет? Мы не должны ничего умалять, чтобы внести большую ясность.

Иногда мы считаем, что, если человек не верит, нужно умалить определенные вещи, чтобы он понял. Но верно обратное: чем безвозмезднее действие (например, когда прощаешь кому-то обиду вместо того, чтобы ответить той же монетой), тем сильнее оно поразит другого. Ничего не нужно умалять, смягчать во избежание скандалов. Ни один человек не возмущается, когда его прощают.

**На последней странице вашей книги вы пишете, что радость подобна цветку кактуса. В каком смысле?**

Вера вносит в жизнь притягательность, которая привлекает нас к себе и в то же время не оставляет в одиночестве. Ничто так не бросает человеку вызов, как то, что в полной мере отвечает на его ожидания. Ничто столь радикально не преображает жизнь, как исполнение

всех ее обещаний! Вот поэтому-то вера и подобна кактусу: она прекрасна, притягательна, но одновременно колется. Мы можем принять ее или отвергнуть, но ничто с такой же силой не меняет и не приводит в волнение жизнь.

**Правильно ли будет сказать, что ваша книга – это попытка выразить видение евангелизации, которому положил начало Джуссани и которое было развернуто последними тремя понтификами?**

Для меня ответ утвердительный.